

Интересы Индии в зоне Южно-Китайского моря

© Сагайдак Е. А., Кулешова Н. С.

© Sagaydak E., Kuleshova N.

Интересы Индии в зоне Южно-Китайского моря

India's interests in the South China Sea

Аннотация. В статье рассматриваются события, происходящие вокруг Южно-Китайского моря, его нарастающая милитаризация, а также столкновение геополитических интересов региональных и внерегиональных сил, которые определяют будущее не только Азиатско-Тихоокеанского региона, но имеют непосредственное влияние на ряд сопредельных регионов, в первую очередь Южную Азию. В этом контексте авторы рассматривают предысторию конфликта Южно-Китайского моря, а также анализируют интересы Индии в спорной акватории. Анализируется взаимосвязь проводимой КНР политики по «окружению Индии» в Индийском океане с действиями в Южно-Китайском море, которые несут угрозу энергетической безопасности страны. Дана оценка тенденциям развития отношений Нью-Дели с Пекином и Вашингтоном на фоне нарастающего конфликта. Очерчены риски, которые могут возникнуть для энергетического аспекта развития отношений России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте обострения ситуации вокруг рассматриваемой акватории.

Annotation. The article deals with the events that take place in the South China Sea, its growing militarization and the clash of geopolitical interests of regional and extra-regional forces which determine the future of not only the Asia-Pacific region, but have a direct impact on the number of adjacent regions, such as South Asia. In this context, the authors examine the background of the conflict over the South China Sea, analyze Indian interests in the disputed waters. The article also examines the relation of Chinese “India’s encirclement” policy in the Indian Ocean with the actions in the South China Sea, which are considered as a threat to the energy security of the country. The authors take a look on trends in relations’ development between New Delhi and Beijing and Washington considering the escalating conflict. The article outlines the risks that may arise for the Russian – Asia-Pacific relations’ development in energy sector in the context of the aggravation of the situation around the considered area.

Ключевые слова. Внешняя политика, мировая экономика, Южная Азия, Южно-Китайское море, геополитика, энергетика, Индия, конфликтология.

Key words. Foreign policy, world economy, South Asia, South China Sea, geopolitics, energy, India, conflict studies.

1

На протяжении многих десятилетий борьба за доминирование на водных пространствах определяет тенденцию милитаризации важнейших мировых акваторий. Увеличению напряженности в ряде регионов способствует в том числе обострение отношений между государствами на фоне увеличения военного присутствия одного вблизи границ или зон интересов другого, неспособности организовать сотрудничество,

САГАЙДАК Екатерина Александровна — аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

КУЛЕШОВА Наталья Сергеевна — профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук.

а также применить международное право для решения возникающих и застарелых конфликтов, носящих прежде всего территориальный характер. В то же время очевидно, что стратегически важную роль могут играть не только акватории большого масштаба. Кажущиеся при беглом обзоре второстепенными водные пространства зачастую оказываются ничуть не меньшим яблоком раздора, если в случае их обретения то или иное государство получает выход к стратегическим транспортным и военным коридорам. В этом контексте события, происходящие вокруг Южно-Китайского моря, его нарастающая милитаризация и столкновения геополитических интересов региональных и внерегиональных сил приобретают все большую актуальность. Принимая во внимание тот факт, что Южно-Китайское море является пунктом стратегического значения не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, интересным представляется политика крупнейшего игрока Южной Азии — Индии, чей интерес к этой акватории в последнее время существенно вырос.

Для понимания сложности складывающейся ситуации в регионе необходимо обратиться к истории конфликта. Со времени окончания Второй мировой войны и разгрома Японии Китай сделал первый шаг в эскалации конфликта за спорные острова Парасельские и Спратли, уничтожив на архипелаге Спратли японские сооружения и заменив их китайской символикой. В 1947 г. острова архипелага были включены в состав Хайнаньского особого административного района, в результате чего произошла смена названий географических объектов: острова стали именоваться Синьша и Наньша. К началу 1950 г. Франция и Китай взяли под контроль Парасельские острова, разделив их между собой. Вскоре после ухода Франции из Индокитая и перехода островов под юрисдикцию сайгонского режима часть архипелага контролировал Вьетнам, а часть — Китай. В скором времени претензии на острова были выдвинуты еще двумя государствами региона, а именно — Малайзией (1971 г.) и Филиппинами (1978 г.), в то время как АСЕАН формально дистанцировалась от решения конфликта [3. С. 134–148].

В начале 1980-х произошло резкое ухудшение отношений между Китаем и рядом стран региона: сначала с Вьетнамом и Филиппинами, а затем с Индонезией и Брунеем. Ситуацию существенно осложнила Конвенция по морскому праву от 1982 г.: в ней было оговорено право создания 200-мильных исключительных зон, границы которых накладывались друг на друга, создавая тем самым предпосылки к развитию конфликта за спорные территории, которые каждое из заинтересованных государств считало своими [3. С. 136]. Необходимо отметить, что временные «затишья» в отношении принадлежности спорных территорий объясняются позицией Китая, который исходил из того, что этот вопрос окончательно решен и пересмотру не подлежит.

Несмотря на различные договоренности между сторонами об исключительно мирном решении территориальных споров, Вьетнам, Китай, Филиппины, Малайзия, Тайвань и Бруней приступили к активной дислокации на них своих вооруженных сил, в результате чего проблема островов Спратли из двусторонних отношений Пекина со странами региона перешла «на уровень китайско-асеановской» [3. С. 136]. Более того, в 1992 г.

в соответствии с Законом о территориальных водах и прилегающих к ним районах острова Парасельские и Спратли были названы неотъемлемой частью КНР. Соответственно, юрисдикция Пекина распространялась теперь и на воздушное пространство над островной акваторией, и на морские недра территориального моря [9]. Несмотря на ряд успешных договоренностей между вовлеченными в конфликт государствами, достигнутых с 1994-го по 2005 г., Китай заявил о возможности использования всех имеющихся у него необходимых средств для ответа на угрозы его государственному суверенитету в отношении островов Парасельских и Спратли [1. С. 143—145].

В июле 2011 г. главы МИД КНР и стран АСЕАН утвердили основные принципы Кодекса поведения в Южно-Китайском море, предполагающие отказ от применения силы. Однако с 2013 г. Китай начал проведение насыпных работ в акватории спорных островов с целью повышения безопасности морской навигации. Данные действия вызывают беспокойство и жесткое осуждение со стороны других азиатских стран, которые считают подобные шаги официального Пекина угрозой мирному судоходству в регионе.

В августе 2011 г. прошел второй саммит АСЕАН — США, на котором государства приняли совместное заявление в отношении свободы судоходства и мирного решения конфликтов в зоне Южно-Китайского моря, что в Пекине было воспринято как попытка Вашингтона сдержать возрастающую мощь КНР и призыв к неофициальной поддержке тех, кто выступает с позиций, противоречащих китайской. Так, США стали рассматриваться АСЕАН с точки зрения гаранта своей безопасности, а большинство стран—членов организации вскоре предприняли шаги по укреплению военно-технического сотрудничества с Вашингтоном. Однако вовлечение внерегионального игрока в процессы, имеющие сугубо внутренний характер, поставило государства Азиатско-Тихоокеанского региона в двойственное положение. С одной стороны, им безусловно выгодно идти на сближение с Вашингтоном по многим аспектам военного, экономического и политического характера. С другой стороны, сдерживание Китая и обострение отношений Пекина со странами — членами АСЕАН не отвечает интересам самих вовлеченных в конфликт государств, поскольку основную экономическую выгоду они получают именно от экономических отношений с Пекином.

2

Вашингтон в последнее время явно уделяет все больше внимания Азиатско-Тихоокеанскому региону. По мнению ряда американских экспертов, более чем десятилетняя внешняя политика США на Ближнем Востоке и в Южной Азии не принесла ожидаемых результатов, в то время как государства Азиатско-Тихоокеанского региона положительно оценивают политику Вашингтона и нацелены на укрепление военного, экономического и политического сотрудничества с ним. Действительно, Б. Обама опирается на уже созданные прежними администрациями Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. так называемые региональные оси, и США являются «тихоокеанской державой» [5]. Более того, очевидно, что с американской точки зрения КНР представляет угрозу интересам США в регионе.

Попытки Пекина изменить территориальный статус-кво в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях путем создания «зоны идентификации ПВО» вызывают негативную реакцию не только Америки, но и соседних государств, а именно Японии и Индии. Американские политологи, мнение которых приводит Foreign Affairs, считают, что США должны создавать специальные подразделения в министерстве обороны, непосредственно курирующие внешнеполитические связи государства со странами, имеющими выход в Индийский океан и Южно-Китайское море. Вашингтону, по мнению экспертов, нужно взаимодействовать и с Индией, и с КНР для поддержания свободы судоходства и стать сдерживающей силой, обеспечивающей соблюдение международного права [10]. КНР же не может допустить активного американского присутствия в зоне своих стратегических интересов, поэтому кооперация между Пекином и Вашингтоном в вопросе фактического контроля над Индийским океаном и Южно-Китайским морем не может быть реализована. В начале ноября 2015 г. министерства иностранных дел обоих государств вступили в заочную полемику относительно строительной деятельности на спорных островах и усилении Пекина в Южно-Китайском море.

В этом контексте США могут, с одной стороны, предпринимать более активные действия в спорной акватории в то время, когда внимание международной общественности приковано к вопросам урегулирования ближневосточного кризиса. С другой стороны, Пекин также пытается как можно быстрее укрепиться там, и вероятно, предпримет все возможные шаги для продвижения вглубь Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, обеспечив тем самым контроль над спорной акваторией. Более того, ряд западных экспертов также прогнозирует начало несанкционированных геологоразведочных работ, а в ближайшем будущем — и добычу углеводородов Китаем со дна Южно-Китайского моря, что может привести к открытому военному конфликту не только между государствами региона, но и с внерегиональными игроками в лице США и поддерживаемых ими государств, в первую очередь Индии.

К тому же важным фактором, влияющим на расстановку сил в регионе, является не только усиливающаяся позиция КНР в мировом масштабе, но и наращивание военной мощи и непосредственного присутствия у морских и сухопутных границ Индии, Пакистана, Непала и в водах Индийского океана. Стремление Китая к установлению влияния в регионе велико, что обуславливает интерес Пекина к налаживанию более плотных связей, в первую очередь с Исламабадом, — именно такая стратегия сегодня характеризует проникновение КНР вглубь региона. Партнерство с теми государствами, которые видят в лице Индии гегемона, пытающегося вмешиваться в их внутренние дела (например, Шри-Ланка и Бангладеш), дает Пекину стратегическое преимущество в наиболее важных сферах ресурсного обеспечения — прежде всего нефтью, газом, пресной водой. Налаживание мирного диалога и конструктивных отношений между КНР и Индией могло бы способствовать обеспечению энергетической безопасности обеих стран по наиболее благоприятному сценарию. Однако очевидно, что этот сценарий в ближайшем будущем невыполним. В то же время нерешенность большого числа пограничных споров между Пе-

кином и Нью-Дели, которые представляют стратегическое значение для обоих государств, — таких, например, как район Аксай Чин и территория Каракорумского шоссе, в значительной степени затруднит межгосударственный диалог и в будущем может спровоцировать большое число новых конфликтов, переходящих из латентной стадии в острую.

3

В этом контексте прошедший в середине мая 2015 г. официальный визит Нарендра Моди в Пекин стал сенсационным. Индийская дипломатия выводит на качественно новый уровень отношения с близлежащими государствами, которые входят в зону ее стратегических интересов. Подписанные соглашения в области энергетики, наряду с инвестициями в область строительства, развития инфраструктуры, в том числе портового хозяйства, говорят о потеплении политического климата между двумя азиатскими державами. Прорыв в отношениях представляется заслугой в основном нынешнего индийского руководства. С одной стороны, Индия не хочет их обострения с сильным соседом из-за пограничных конфликтов, решение которых стало бы мощным стимулом к урегулированию более фундаментальных геополитических противоречий между Нью-Дели и Пекином в борьбе за региональное лидерство. Более того, Китай для Индии остается крупнейшим торговым партнером, зависимость от которого очевидна. С другой стороны, увеличивающаяся потребность в энергетических ресурсах и очевидная угроза Индии в лице Пекина обуславливают «игру на опережение».

Индийская дипломатия выводит на качественно новый уровень отношения с близлежащими государствами, которые входят в зону ее стратегических интересов.

Необходимо учитывать, что, несмотря на внешнее смягчение позиций Нью-Дели и Пекина относительно друг друга и положительную риторику по итогам визита главы КНР и Индию, государства продолжают оставаться раздражающим элементом друг для друга. В этом контексте очевидно, что Н. Моди пытается закрепить свой альянс с США и, таким образом, обрести в лице Вашингтона вспомогательную силу, к которой можно будет обратиться в случае эскалации конфликта. Но также очевидно, что США вряд ли пойдут на открытый конфликт с Пекином и тем более не станут выступать с позиций защитника национальных интересов Нью-Дели, несмотря на то, что Индия, безусловно, могла бы углубить сотрудничество с Вашингтоном, в первую очередь в военно-политическом и энергетическом аспектах.

Кроме того, Пекин из «затаившегося тигра» (каким он являлся еще относительно недавно) уже превратился в «крадущегося дракона», который предпринимает все возможности по окружению Индии в Индийском океане и выстраиванию долгосрочных отношений с боль-

шинством государств—соседей Индии. В таком контексте политика по привлечению внерегионального актора в лице Вашингтона лишней раз накалит обстановку и не принесет Нью-Дели результатов, на которые он рассчитывает. Более того, очевидно, что осложнится также кооперация стран—членов БРИКС, поскольку взаимоотношения Китая и Индии на практике далеки от доброжелательных и партнерских, а Россия, имеющая в лице Нью-Дели исторического партнера, фактически оказывается в ситуации, когда Индия и США становятся по одну сторону «большой игры», а Китай и Россия — по другую.

В то же время нельзя не отметить, что Россия, осуществляя политику «разворота на Восток», оказывается в затруднительном положении относительно будущих возможностей присутствия нефтегазовых компаний в акватории Южно-Китайского моря. Так, еще в 2012 г. у «Газпрома» возникли сложности в совместном с Ханоем освоении лицензионных блоков на шельфе, который принадлежит Вьетнаму. Китайская сторона тогда недвусмысленно намекнула, что развитие российско-китайских отношений невозможно без защиты стратегических интересов обоих государств, а Южно-Китайское море является зоной национальных интересов Пекина. Более того, готовность «Газпрома» сотрудничать с вьетнамской PetroVietnam рассматривалась с точки зрения активизации политики Москвы в акватории Южно-Китайского моря — что безусловно не отвечало интересам Поднебесной.

России необходимо развивать сотрудничество с государствами региона, закрепляя свое присутствие путем развития энергетического сотрудничества. Однако приходится признать, что Москве придется и впредь учитывать позицию Пекина, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться как на российско-китайских отношениях, так и на взаимоотношениях с государствами АТР.

4

Озабоченность Нью-Дели в отношении действий Пекина в Южно-Китайском море сводится к нескольким аспектам.

Эксперт по исследованиям политики КНР Д. С. Раджан акцентирует внимание на сооружении второй военно-морской базы КНР на острове Хайнань вблизи города Санья, которая находится в 280 км от Парасельских островов и, по различным данным, может быть предназначена для базирования авианосцев и ядерных подводных лодок. Необходимо отметить, что базы ВМФ Китая на острове Хайнань с территориальной точки зрения расположены в исключительно выгодном положении для контроля стратегически важного для Индии Малаккского пролива, а также проливов Ломбок и Зондского. Таким образом, в ответ на увеличение военного китайского присутствия в АТР и акватории Южно-Китайского моря и в случае кооперации Японии и США, а также последующей блокировки «первой цепочки островов» — от Окинавы до Тайваня — китайский флот, благодаря наличию ВМФ на острове Хайнань, сможет достичь акваторий Индийского и Тихого океанов через Южно-Китайское море.

Д. С. Раджан отмечает также, что базы на острове Хайнань позволят КНР сосредоточить свои военно-морские силы в стратегически важном

месте и обеспечить безопасность транспортных коридоров для импорта нефти. Нельзя не отметить, что $\frac{3}{4}$ транзита «черного золота» Китая проходят именно через Индийский океан, поэтому объяснимо стремление Пекина как можно лучше обеспечить непрерывность и безопасность импортируемого энергетического сырья [12]. Озабоченность Индии в этом вопросе подогревают и выступления видных китайских деятелей, которые заявляют, что признают особую роль Нью-Дели в районе Индийского океана, но отказываются считать его исключительно индийским [6]. В этом контексте очевидно, что стратегия внешней политики КНР продлится и усилится в выстраивании долгосрочных отношений с государствами Южно-Азиатского региона с целью увеличить там свое присутствие путем вложений в их инфраструктурные и транспортные объекты, а также в целом в их экономику.

Стоит принимать во внимание политику окружения Индии в Индийском океане путем образования так называемой китайской «нити жемчуга», где «жемчужинами» становятся ближайшие страны—соседи Индии, предоставляющие Китаю свои военно-морские базы [2. С. 287—298]. Более того, как отмечает Д. С. Раджан, индийский политический истеблишмент всерьез обеспокоен появляющейся из китайских источников информацией, из которой следует, что Пекин позиционирует себя в качестве одной из основных сил в акватории Индийского океана, а военно-морская база на острове Хайнань вблизи города Санья рассматривается не иначе, как штаб-квартира отдельного подразделения ВМФ КНР, нацеленного на Индийский океан [12]. Опасения индийской стороны представляются оправданными ввиду того, что, несмотря на гипотетический характер построения отдельного подразделения ВМФ КНР, Пекин проводит активную политику по расширению своего экономического присутствия, развивая политику «нового Шелкового пути», а также «морского Шелкового пути», которые затрагивают стратегические интересы Нью-Дели как внутри Южно-Азиатского региона, так и за его пределами — прежде всего в Центральной Азии.

Профессор Университета им. Дж. Неру Б. Р. Дипак (эксперт в области китаеведения) считает, что активизация Пекина в Южно-Китайском море может отвлечь внимание индийской стороны, в то время как следующим шагом КНР станет демонстрация своей военной мощи вдоль линии фактического контроля, т. е. по демаркационной линии между Индией и Китаем, которая имеет протяженность 4057 км и включает в себя западный, центральный и восточный участки. Таким образом, возможная эскалация конфликта может пройти через район Ладакх, штаты Химачал Прадеш и Уттаракханд, Сиккими Аруначал Прадеш.

Более того, Б. Р. Дипак отмечает, что активизация отношений Пекина с Исламабадом, действия КНР в Индийском океане и укрывание ряда представителей террористических организаций Индии на территории Китая побудили Нью-Дели перейти к реальным шагам в налаживании диалога с КНР, которые в Индии именуются как «оборонительная дипломатия Нарендра Моди». Так, 19 ноября 2015 г. впервые за десять лет министр внутренних дел Индии отправился в Китай с пятидневным визитом с целью найти консенсус по вопросам сотрудничества в укреплении границы

и борьбы с терроризмом. Эксперт также высказывает мнение, что возникающие проблемы со своим соседом, как снежный ком, могут накрыть Нью-Дели, породив напряженность в Южной Азии, и вывести альянс Китай—Пакистан на качественно новый уровень. Действительно, в этом контексте нельзя не отметить, что КНР демонстрирует двойственность подходов к различным проблемам региона, в том числе поощряет Исламабад в оказании помощи в борьбе с «Исламским движением Восточного Туркестана», что обеспечивает безопасность китайско-пакистанского экономического коридора. В то же время, по данным индийских источников, ряд членов террористических групп, активно действующих на территории Индии, укрываются в Пакистане и Китае. Так, в августе 2015 г. Пекин блокировал предложение Индии в ООН о передаче Нью-Дели Исламабадом Закир-ур-рахман Лакхви — одного из организаторов терактов в Мумбае в 2008 г., в результате которого погибли 167 человек [7].

Д. М. Баруа, в свою очередь, отмечает, что Пекин в течение десятилетий обостряет обстановку в АТР и идет на эскалацию конфликта с региональными и внерегиональными державами. В то же время, несмотря на принятую в 2007 г. военно-морскую доктрину Индии, в которой сказано, что зона Южно-Китайского моря является зоной стратегических интересов Нью-Дели [13], индийская позиция по вопросу спорной акватории на протяжении длительного времени была «дипломатична», традиционно избегала прямых комментариев и подчеркивала лишь необходимость обеспечения свободы судоходства.

Одновременно эксперт подчеркивает, что именно при правительстве Нарендра Моди ощущается сдвиг во внешней политике государства, в том числе в отношении АТР [4]. Действительно, принятая еще в 1991 г. стратегия Look East Policy по отношению к государствам, входящим в АСЕАН, стала приобретать конкретные очертания в проводимой премьер-министром Индии Н. Моди Act East Policy. Более того, индийская дипломатия начала активно поднимать вопрос предпринимаемых Китаем действий в различных региональных организациях: на прошедшем в 2014 г. саммите государств Восточной Азии и в ходе на состоявшегося в 2014 и 2015 гг. диалога «Индия — АСЕАН».

Однако нельзя забывать, что еще до вступления Н. Моди в должность премьер-министра индийская сторона чуть не спровоцировала Пекин на открытый конфликт. В октябре 2011 г. между Нью-Дели и Ханоем была достигнута договоренность о разведке нефтегазовых месторождений в двух блоках в зоне Южно-Китайского моря, которую вьетнамская сторона, в соответствии с конвенцией ООН от 1982 г., считала относящейся к своей 200-мильной зоне и соответственно признавала за собой право вести в ней геологоразведочные работы. Несмотря на жесткую позицию Пекина в отношении совместных индийско-вьетнамских действий в водах, которые КНР считает своими, Нью-Дели не пошел на компромисс, а увеличил свое присутствие в акватории. В 2012 г. последовал ответ китайской стороны, когда государственная Китайская оффшорная нефтяная компания открыла девять геологоразведывательных объектов в водах, на которые претендует Вьетнам. Эти действия вынудили индийскую и вьетнамскую стороны отказаться от ранее намеченных планов [11].

В то же время на новый уровень выходят отношения между Нью-Дели и государствами, заинтересованными в сдерживании активных действий КНР в Южно-Китайском море. Так, Индия укрепляет военно-морское сотрудничество с Вьетнамом, Филиппинами, Японией, Австралией и, безусловно, США.

5

В этом контексте очевидно, что Вашингтон и Нью-Дели проходят фазу активного сближения, что придает большую уверенность Индии на внешнеполитической арене и во взаимоотношениях с КНР. Подтверждением этому является «Совместное стратегическое видение Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана» [14], опубликованное 25 января 2015 г. Белым домом. Так, среди основных положений заявления можно выделить следующие: *во-первых*, мир, процветание и стабильность Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана объявляются прерогативой совместных действий Вашингтона и Нью-Дели. *Во-вторых*, оговаривается тесное взаимодействие между государствами в вопросе поддержания региональной экономической интеграции, в том числе путем развития инфраструктуры для передачи различных видов энергии, связывающей Центральную Азию с Южной и Юго-Восточной. *Наконец*, безопасность в широком контексте определяет региональное процветание, в связи с чем США и Индия выступают за обеспечение свободы судоходства и полетов над регионом, особенно в зоне Южно-Китайского моря [14].

Официальный визит 2–4 июня 2015 г. министра обороны США Э. Картера в Нью-Дели, который провел ряд встреч с индийским руководством и советником по национальной безопасности Индии Шри Аджит Довалом, стал продолжением этой тенденции в индийско-американских отношениях. Как отмечается в пресс-релизе Министерства обороны Индии, Э. Картер в ходе встречи с военно-морским командованием подтвердил приверженность Вашингтона расширению и углублению двустороннего военного сотрудничества с Нью-Дели. В частности, было подписано рамочное соглашение о взаимопонимании, которое призвано вывести военно-морское сотрудничество стран на новый уровень в течение десяти лет [8]. Кроме того, отдельного внимания заслуживает расширяющееся сотрудничество Индии и США в развитии совместного производства новых оборонных технологий.

Таким образом, ситуация, складывающаяся вокруг спорной акватории Южно-Китайского моря, представляется более чем серьезной. В то же время вовлеченность внерегиональных игроков формирует возможность большей эскалации конфликта, в том числе ввиду предполагаемого участия в нем США и Индии. Очевидно, что Нью-Дели сегодня находится в непростых отношениях с Пекином, а Вашингтон так или иначе остается его приоритетным партнером. Одновременно активизация деятельности США в Восточной Азии и требования Вашингтона обеспечить свободу судоходства в Южно-Китайском море предопределяют создание в ближайшем будущем зоны повышенного риска.

Интенсификация конфликта представляет особую озабоченность и с точки зрения того, что роль «третьей стороны» в случае невозможности решения спора между заинтересованными сторонами вряд ли возьмут на

себя международные организации или отдельные незаинтересованные страны. Ситуация осложняется и тем, что международно-правовой статус Южно-Китайского моря до сих пор не определен, а это фактически заводит в тупик любые компромиссные действия и возможные договоренности.

Рассматриваемая акватория богата энергетическими ресурсами, столь необходимыми для экономического роста всех без исключения заинтересованных государств. Южно-Китайское море, которое Пекин неофициально именуется «вторым Персидским заливом», представляет собой транспортный коридор, соединяющий Индийский океан с Тихим, и становится вопросом национальной безопасности не только тех государств, которые фактически имеют выход к спорной акватории, но и для ведущих участников международных отношений.

Литература

1. **Канаев Е. А.** Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007.
2. **Сагайдак Е. А.** Политика окружения Индии в Индийском океане — «зона мира» или «зона войны»? // Мир и политика. 2013. № 10 (85).
3. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013.
4. **Baruah D. M.** Asia's Nightmare: Could India and China Clash over the South China Sea? — <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/asias-nightmare-could-india-china-clash-over-the-south-china-13333> (дата обращения: 27.01.2016).
5. **Campbell K. M., Ratner E.** Far Eastern Promises. Why Washington Should Focus on Asia. May/June 2014 Issue. — <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-04-18/far-eastern-promises> (дата обращения: 27.01.2016).
6. China: The Indian Ocean can't be India's backyard. — <http://www.businessinsider.com/china-the-indian-ocean-cant-be-indias-backyard-2015-7#ixzz3ilF7Iycq> (дата обращения: 27.01.2016).
7. **Deepak B. R.** India's Evolving Defence Diplomacy: An Assertive Multilateral Engagement? — <http://www.southasiaanalysis.org/node/1897> (дата обращения: 27.01.2016).
8. India-US Joint Press Release. Visit of US Secretary of Defence Dr. Ashton Carter to India (2—4 June 2015). Press Information Bureau Government of India Ministry of Defence. — <http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=122262> (дата обращения: 27.01.2016).
9. The Law of the People's Republic of China on Territorial Sea and Contiguous Zone // People's Daily. 1992. 26.02.
10. **Mullen R. D., Poplin C.** The New Great Game. A Battle for Access and Influence in the Indo-Pacific. 29.09.2015. — <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-09-29/new-great-game> (дата обращения: 27.01.2016).
11. **Pant H. V.** Understanding India's Interest in the South China Sea: Getting into the Seaweeds. — <http://csis.org/publication/understanding-indias-interest-south-china-sea-getting-seaweeds> (дата обращения: 27.01.2016).
12. **Rajan D. S.** China: Second Aircraft Carrier Base in Hainan — What it means for India? — <http://www.southasiaanalysis.org/node/1837> (дата обращения: 27.01.2016).
13. **Scott D.** India's Incremental Balancing in the South China Sea. — <http://www.e-ir.info/2015/07/26/indias-incremental-balancing-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 27.01.2016).
14. U.S.-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. — <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region> (дата обращения: 27.01.2016). ◆